

«СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ...»

НАШИ ГОСТИ

ВЫ ПОМНИТЕ эти минуты? Кторов читает по радио Толстого, Ульянов — Шолохова, Коонен — Тургенев... И уже невозможно заниматься чем-то иным, кроме одного — слушать.

Что заставляет именитых актеров ради вот этих минут месяцами мучиться, колдовать над толстовской и чеховской прозой? Видимо, есть некий притягательный момент в искусстве чтения, дающем актеру что-то большее — помимо и сверх театра. Но все же они — актеры, профессионалы. Удивительно другое, когда искусству чтения посвящает себя человек по профессии далекой от театра, скажем, инженер, кандидат технических наук.

С И. А. Граковским мы встретились после его поездки по Усть-Цилемскому району, где он, нештатный артист Ленконцерта, выступал с чтением стихов и прозы. Гастроли во время отпуска: Непривычно? Но так — в течение многих лет.

— **Служение двум музам!**

— Выходит, да, — улыбаясь, Илья Александрович. — И когда я чуть более увлекаюсь одной, другая начинает ревновать. Нужна золотая середина.

Он вырос в ленинградской семье, где знали и любили музыку, литературу.

— Самое сильное впечатление детства — стихи. Другая, непохожая, волшебная речь! Часами повторял вслух пушкинские строки, пытался постичь: в чем же гармония? И... постигаю всю жизнь. В юности открыл по-настоящему Лермонтова. Потом — Маяковский, Пастернак, современная поэзия. Проза пришла позднее, и это закономерно: она требует зрелости и школы. Читаю Толстого, Распутина, Нагибина. Сейчас — Блока.

С блоковским циклом («Россия», «На поле Куликовом») он выступил на телевидении в Сыктывкаре. Для небольшой журналистской аудитории читал лирику.

...Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

Блок очень труден для чтения.

— Он требует от чтеца величайшего такта, — говорит Граковский. — Это глубоко этичный по своей природе поэт, правдивый и целомудренный. Никакой поэмы и надуманности, никаких поэтических украшений и завитков. Его поэтику считают музыкальной, но в том и сложность, что в ней вместе с тем живет мощное изобразительное начало. Что ни строка — то образ. Как легко сбиться на изобразительность, на «рисование», потерять сердечную мысль поэта, которая пронизывает каждое

стихотворение. И даже в том, что оказалось для меня по силам в поэзии Блока, я еще не нахожу полного творческого удовлетворения. Что делать — в объясненном, изученном литературоведами Блоке всегда остается тайна. Но это и есть достоинство высокой поэзии.

— **Кто был наставником в вашем самостоятельном творчестве?**

— Был и есть народный артист СССР Дмитрий Журавлев. Чтец огромного диапазона: он может читать все. В искусстве чтения сегодня ярко обозначились два стиля: артист «играет» автора, передает его в собственной интерпретации, Журавлев — пурист жанра — считает, что главное для чтеца — уловить дух, аромат произведения, например, чеховского. Не вылезать вперед автора, не трактовать его, а быть чуть в стороне, в тени — рассказчиком.

— **На чьей же вы стороне?**

— Преклоняюсь перед своим учителем, но считаю, что и в другом направлении, о котором мы говорили, много интересного. У Юрского, например.

— **Какими качествами должен обладать чтец? И на каких ошибках он учится?**

— В первую очередь, необходим голос. Общая культура. Огромная любовь к тому, над чем работаешь. Ведь для того, чтобы заразить других, надо заразиться самому. А ошибки... Как ни странно, может помешать интеллект. Иногда он как анатомический скальпель помимо воли проникает в подтекст произведения и утяжеляет его, создает лишнее «магнитное поле». А ведь проза должна восприниматься мгновенно.

— **Как принимали ваши выступления жители Усть-Цилемского района?**

— Вы знаете, прекрасно. Было много встреч, о которых по самому строгому счету могу сказать: это удача. Принято думать, что на чтецов ходят гурманы, знатоки литературы: для них важно то, что прозвучит на вечере, но еще важнее, как это прозвучит. И вдруг — искренний интерес к поэзии Некрасова, Пушкина, Евтушенко, Симонова со стороны людей, живущих, казалось бы, одной страдой — я там был во время сенокоса. Читал и в клубах. И нет награды большей за все сомнения и труды, когда на твоих глазах преображаются лица слушающих. Вот это — самое дорогое, что я уволю с собой в Ленинград.

— **И ваши планы?**

— Вернусь к основной работе. Параллельно с ней — несколько выступлений с блоковской тематикой. Эти вечера будут посвящены столетнему юбилею любимого поэта.

Беседу вела Л. МОСУНОВА.